

Русская литература

№ 3

Историко-литературный журнал

2014

Издаётся с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА	
А. А. Костин. «Веселый час». К вопросу о переводах в ранней поэзии Лермонтова . . .	6
Ю. М. Прозоров. «Юнкерские» поэмы Лермонтова. Комментарии и параллели . . .	13
В. А. Котельников. Сюжет с княжной Мери и традиция литературного либертинизма . . .	28
А. С. Бодрова. К истории посмертных изданий Лермонтова: словесность, коммерция и институт авторского права в начале 1840-х годов	41
Н. С. Беляев. Суд над лермонтоведом: трагические страницы в творческой биографии Б. М. Эйхенбаума	66
Г. В. Бахарева, Н. С. Джурицкий. Основные проблемы отечественного лермонтоведения: библиографический обзор	74
ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ	
Л. Л. Ивашёва. Агиографические народные легенды Нижней Волги: отрок схимонах Боголеп	84
А. К. Федотова. Пейзаж в русской элегии XVIII века	105
Н. Г. Михновец. «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского в современных зарубежных исследованиях	118
А. Б. Стрельникова. В поисках оригинальной стихотворной формы: поэтические переводы Федора Сологуба	129
В. В. Филичева. Неизвестный автограф Н. С. Гумилева: об одном неосуществленном замысле	135
На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1908 год (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. Р. Обатниной)	142
А. М. Грачева. Алексей Ремизов и Пушкинская премия Императорской Академии наук	185
О. А. Богданова. А. Г. Достоевская и В. Л. Комарович. Диалог 1917 года	196
«Не поспособствуете ли советом?»: письма Г. В. Адамовича, Н. А. Оцуца, А. М. Ремизова из архива Б. Ф. Шлёцера (вступительная статья, подготовка текста и комментарии М. В. Ефимова и О. А. Коростелева)	200

В. М. Захарова. К проблеме периодизации стиха Осипа Манделъштама	212
А. И. Разувалова. «Труха и опилки так называемой культуры»: зло и насилие в рефлексии В. П. Астафьева	220

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

К. Ю. Лаппо-Данилевский. Воплощения Диониса	230
Д. С. Савченко. Русская научная фантастика: предвосхищающая модернизацию	235
Р. Ю. Данилевский. Становление ученого (материалы из архива В. М. Жирмунского)	237
Н. В. Семенова. Живые голоса забытых пьес	238

ХРОНИКА

Н. М. Сегал-Рудник, А. Ю. Соловьев. К 100-летию со дня рождения Ильи Захаровича Сермана	242
А. Ю. Веселова. К 275-летию А. Т. Болотова: конференция в Москве и круглый стол в Богородицке	253
С. А. Семячко. Второй агиографический семинар	256
С. А. Кибальник. Международная научная конференция «Проблемы изучения творчества Гайто Газданова» (К 110-летию со дня рождения писателя)	259
Е. Е. Соловьева. Конференция памяти Р. М. Лазарчук.	261

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

А. А. Карпов. О научной новизне и научной корректности (по поводу статьи Е. Э. Ляминской «К интерпретации „Подражаний древним” К. Н. Батюшкова»)	265
Памяти Роберта Белнапа	270
Памяти Галины Яковлевны Галаган	271

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор *В. Е. БАГНО*

Редакционная коллегия:

*Е. В. АНИСИМОВ, Д. М. БУЛАНИН, М. Н. ВИРОЛАЙНЕН,
Г. Я. ГАЛАГАН* (зам. главного редактора), *А. А. ГОРЕЛОВ, В. Я. ГРЕЧНЕВ,
И. Ф. ДАНИЛОВА* (отв. секретарь редакции), *Н. Н. КАЗАНСКИЙ,
В. А. КОТЕЛЬНИКОВ, Н. Д. КОЧЕТКОВА, А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН,
С. И. НИКОЛАЕВ, Ю. М. ПРОЗОРОВ, Н. Н. СКАТОВ, А. Л. ТОПОРКОВ,
С. А. ФОМИЧЕВ, Т. С. ЦАРЬКОВА*

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.

Телефон/факс (812) 328-16-01

e-mail: rusliter@mail.ru

© А. М. Грачева

**АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ
И ПУШКИНСКАЯ ПРЕМИЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

На протяжении всего продолжительного жизненного пути писателя Алексея Ремизова одно из постоянных мест в иерархии чтимых им культурных ценностей занимала Российская академия наук. Реальные контакты литератора с исследователями, работавшими в академических традициях, а в дальнейшем с действительными членами Императорской АН начались еще в 1900-е годы в Вологде, затем они продолжились и укрепилась в Петербурге.¹ В дальнейшем эти связи не прерывались и в годы эмиграции, вплоть до смерти писателя в 1957 году. Интерес Ремизова к фольклору, литературе и истории Древней Руси нашел отражение в его первых сборниках 1907 года: «Посолонь» и «Лимонарь». Эти издания получили положительные отзывы не только со стороны собратьев Ремизова по новому искусству, но и от петербургских филологов-медиевистов. Так, исследователь библейских апокрифов А. И. Яцимирский дал развернутую рецензию на «Лимонарь» в научном журнале «Исторический вестник». В ней ученый, в частности, отмечал: «Если в своем первом романе, „Пруд“, он (Ремизов. — А. Г.) находился под несомненным влиянием некоторых западных индивидуалистов, то в следующем сборнике, „Посолонь“, стал на дорогу от индивидуализма к творческому коллективизму, от символа — к мифу и окончательно пошел по ней в последнем сборнике — «Лимонарь». <...> Русская природа и русская старина стала ему родной и понятной. На творчество Ремизова легла печать стихийности и коллективности, но они смягчены и все еще подчинены его собственной индивидуальности. И это понятно: до всеобъемлющего синтеза еще слишком далеко. <...> Его собственная индивидуальность пока еще не позволила ему в совершенстве усвоить народную психологию, но зато в об-

¹ Подробнее об этом см.: Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб., 2000. С. 70—91.

ласти языка он достиг многого. Его строй речи, его фразеология — настоящая динамика народной речи».²

Высокая оценка учеными книг молодого прозаика, по-новому открывавшего для современного читателя языковой строй и символику труднодоступных для неспециалиста фольклорных и средневековых источников, вероятно, и вызвала у кого-то из знакомых с книгами Ремизова мысль предложить писателю выдвинуть два своих сборника на соискание премии имени А. С. Пушкина.

Эта награда, учрежденная Императорской Санкт-Петербургской Академией наук в 1881 году, с 1895 года вручалась раз в 2 года, по нечетным годам, за напечатанные на русском языке оригинальные произведения в прозе и поэзии. Все представленные на премию творения рецензировались в основном действительными и почетными академиками по Отделению русского языка и словесности (ОРЯС) Академии наук. Их отзывы зачитывались и обсуждались на заседании Отделения под председательством президента Академии, почетного академика великого князя К. К. Романова, также непосредственно участвовавшего в рецензировании. Потом в результате закрытого голосования избирались лауреаты соревнования (размер финансового вознаграждения победителя составлял: так называемая «полная премия» — 1000 рублей, «половинная» — 500 рублей). Кроме того, авторы, особо отмеченные рецензентами, получали поощрение в виде почетного отзыва.

Ближайшим ко времени выхода книг Ремизова сроком подачи заявки на участие в конкурсе был 1908 год, когда собирались работы для восемнадцатого приурочения премии имени А. С. Пушкина.

Сохранились документальные свидетельства истории ремизовского «оказиона» с Пушкинской премией. В фонде по присуждению премии имени А. С. Пушкина (СПФ АРАН, ф. 9, оп. 3, № 19)³ имеются документы, связанные с 18-м вручением этой награды в 1909 году. В их число, в частности, входит официальное письмо Ремизова:

«В Отделение Русского языка и Словесности
Императорской Академии Наук
(от) Алексея Михайловича Ремизова

Прошение

Представляя по два экземпляра моих книг: „Посолонь. Сказки“. С рис. Н. Крымова. Изд. Золотое Руно. М., 1907. Ц. 1 р. и „Лимонарь. Повествования по апокрифам“. Изд. Оры. СПб. 1907. Ц. 60 к., честь имею покорнейше просить Отделение присоединить их к числу книг, представленных на соискание Пушкинской премии.

Алексей Ремизов

24 января 1908 года

Адрес мой: С-Петербург, М. Казачий пер. 9 кв. 34»⁴

Согласно «Положению о премии», после завершения срока подачи претендентами своих произведений (в 1908 году крайней датой было 29 января) следовало их распределение между рецензентами. Книги Ремизова получил на отзыв почетный академик, профессор Д. Н. Овсяннико-Куликовский.⁵ Вместе с ними он также дол-

² А. Я. [Яцимирский А. И.] Алексей Ремизов. Лимонарь сиречь Луг Духовный. Изд-во «Оры». СПб., 1907 // Исторический вестник. 1908. Апрель. Т. СХII. С. 1094—1095.

³ Выражаю благодарность Г. П. Супрунович за библиографическую информацию о составе третьей описи девятого фонда СПФ АРАН.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 9. Оп. 3. № 19. Л. 128. Под текстом карандашная помета рукой неустановленного лица: «Рецензию Д. Н. Овсяннико-Куликовского см. — № 7».

⁵ См. печатный «Список сочинений, представленных (к сроку 29-го января 1908 года) на XVIII-е соискание премий имени А. С. Пушкина в 1909 г.» с также печатной росписью рецензентов: Там же. Л. 3—4 об. Книги Ремизова «Посолонь и «Лимонарь» с указанием рецензента

жен был сделать заключение о комплексе произведений беллетристики Волкович-Вель (наст. имя: А. Н. Величковская; урод. Волкова; 1854—1929(?)).⁶ После прочтения он написал следующую рецензию:⁷

Отзыв

о произведениях г-жи Волкович-Вель и г. Ремизова, представленных на XVIII-ое соискание премии имени А. С. Пушкина⁸

Исполняя поручение Разряда, имею честь представить нижеследующий отзыв о произведениях г-жи Волкович-Вель и г. Ремизова, представленных на XVIII-ое соискание премии имени А. С. Пушкина.

Рассказы и очерки г-жи Волкович-Вель производят весьма выгодное впечатление вдумчивостью, серьезностью замысла, простотою изложения, отсутствием манерности и вычурности. Автор — художник-моралист, отчасти даже и публицист. Его художественное внимание направлено на темные стороны души человеческой, на отрицательные стороны жизни. Но он не ограничивается изображением их, он старается найти точку опоры для борьбы с ними и находит ее — в нравственном чувстве, в голосе совести, которая рано или поздно заговорит. На этот-то пункт по преимуществу и направлены наблюдения и размышления автора. Его глубоко интересуется психология таинственного явления, называемого *совестью*. Он изучает и ценит не только правильную, нормальную деятельность совести, но и неправильную, импульсивную, неразумную ее деятельность, обусловленную темнотою, нравственным недоразвитием человека, действием страстей или аффектов.

Вот именно лучший из представленных рассказов г-жи Волкович, озаглавленный (мне кажется, неудачно) «Бога ищут», и воспроизводит типичный случай аномального, импульсивного (я сказал бы: аморального) действия аппарата совести. Некая крестьянка Марфа, женщина лет за 40, вместе со своим любовником, молодым парнем, лет на 15 моложе ее, убила своего мужа. Но преступление представлялось загадочным, необъяснимым по бесцельности, по отсутствию мотива. Дело в том, что муж, человек безвольный и придурковатый, давно примирился со своей участью, никакого протеста не предъявлял и не мешал беспечальному сожитию жены и любовника. Последний (Тимоха) водворился в его избе и распоряжался там, как будто он и есть законный глава семьи и настоящий хозяин. Предположение, что Марфа и Тимоха убили мужа с целью сочетаться законным браком, было

следуют в списке под номером 29 (Там же. Л. 4). Реплика изданий Ремизова в этом экземпляре списка сопровождается рукописной пометой: «Книга „Посолонь” послана Овсяннико-Куликовскому 22 фев(раля) за № 61(,) „Луг духовный” — послана 13 марта за № 74» (Там же).

⁶ См. в том же печатном экземпляре списка: «7. Волкович: а) „Верь...” 8”. (Вырезка из «Русск. Вестника». Стран. 1—14). — б) „Но то был сон!...” I—IV (Вырезка из фельетона в газете «Новое Время»). (Год и № определить невозможно). 8. а) „Деньги — свет!” Рассказ А. Н. Волкович-Вель. 8”. (Вырезка из Ежемесячн. литерат. и попул.-научн. Приложений к «Ниве» за Август 1905 г. Столбцы 513—564). б) „Из Белостока в Осовец и Щучин. (Из мимолетных впечатлений)” (2 статьи, вырезки из прилож. к газете «Слово» 14 и 18-го сентября 1905 г. № 255 и 259. В лист). 9. Волкович-Вель: а) „Тайна”. Повесть. 8”. (Вырезка из «Русск. Вестника» 1906 г. № VI. Стран. 363—413). — б) „Бога ищут. (Из судебной хроники)”. Рассказ. 8”. (Вырезка из «Русск. Вестника» 1906 г. № V. Стран. 58—65). — в) „Красная горка. (Фантазия)”. В лист. Вырезка из журнала „Пробуждение”. ? г. № 17, стран. 267—270). 10. „Анчар. (Из переписки одного гимназиста)”. Сочинение Волковича-Вель. С.-Петербург. Изд. Книгопрод. Н. Г. Мартынова. 1906. 12°. NB. Между страницами 64 и 65 вставлены 6 страниц, писанных на пишущей машине» (Там же. Л. 3 об.). Печатный текст сопровождается рукописной пометой: «Все рассказы Волкович-Вель посланы Овсяннико-Куликовскому 22 фев(раля) за № 60» (Там же).

⁷ СПФ АРАН. Ф. 9. Оп. 3. № 19. Л. 77—86. Далее текст отзыва цитируется по этому источнику.

⁸ Над текстом рецензии карандашная помета рукой неустановленного лица: «Д. Н. Овсян(ников)-Кул(иковский)». Также карандашом подчеркнуты фамилии рецензируемых авторов.

опровергнуто свидетельскими показаниями: «Марфа никогда бы не вышла замуж за Тимоху, — „такой у нее ндрав”», — она держалась того взгляда, что любимого человека только и можно привязать к себе и держать в руках, пока он не является законным мужем и главою семьи. В конце концов выясняется, что «Марфа убила своего мужа, — чтобы грех с души снять...» Живя с любовником при живом муже, она не переставала чувствовать, что это — непристойно, грешно; голос совести раздавался все громче и настойчивее. То же самое чувствовал и любовник. И вот, наконец, невоготу им стало, — и они с легким сердцем убили мужа, который все равно страдал, хотя и не выражал своих страданий, и который отравлял их жизнь немым укором, безответной покорностью судьбе, одним — голым — фактом своего существования. На том свете ему будет лучше: «молиться за него станем и сорокоуст справим...» — и они убили его с чистой совестью и заранее обдуман- ным намерением, — и нет у них сознания, что этим жестоким делом они к одному греху присоединили еще другой, более тяжкий. Марфа не только не раскаивается, но даже с нескрываемым презрением относится к тем, кто не в состоянии понять ее «правоты и геройства». Указывая на эту нераскаянность, судебный следователь заключает так: «...по-своему она права; она от греха шла... Она творит зверское и ужасное правды ради. Она мнит себя героиней и смотрит на нас сверху вниз...»

— К сожалению, автор не решает (и даже не ставит) весьма естественных вопросов: имеет ли Марфа нравственное право мнить себя героиней и смотреть на нас сверху вниз? Какая цена той «правде», ради которой нужно творить «зверское и ужасное»? Не напоминает⁹ ли совесть Марфы совесть дикаря? И не лучше ли было бы, если бы эта Марфа была немного бессовестнее?

И мы весьма вспоминаем здесь¹⁰ ту страшную боль оскорбленного нравственного чувства и тот моральный ужас, какие переживал Глеб Успенский, когда ему приходилось раскрывать варварство крестьянской этики. Рассказ «Бога ищут», очень небольшой по объему, очень содержателен: в нем дан своего рода «человеческий документ» в точном и живом воспроизведении, которому нельзя отказать в художественности, и, в то же время, очерчена¹¹ важная психологическая и моральная задача, для постановки которой содержание рассказа дает ценный материал.¹²

В другом рассказе — «Деньги-свет!» — автор, несколько растянуто и не без надуманности, раскрывает процесс пробуждения совести и добрых чувств в черствой душе эгоиста, скупца, ростовщика — помещика Брянцева. Обращение на путь добра и человеческой любви мотивировано здесь неизлечимой болезнью (паралич) и влиянием доброй, самоотверженной женской души. В рассказе есть несколько психологически-тонких штрихов, есть меткие моральные наблюдения, художественно воспроизведенные, но в общем он производит впечатление искусственного беллетристического¹³ построения. Автор задал себе задачу — сопоставить две натуры: черствую, казалась бы, безнадежно эгоистическую натуру дельца и скопидома (и притом развратника) и честную, бескорыстную, любвеобильную натуру женщины, которая¹⁴ всю жизнь прожила у чужих людей в роли экономки и привыкла беречь чужую копейку и заботиться о других, забывая о себе. Надо отдать справедливость автору: оба характера очерчены живо и определительно, и их психологию можно признать — в общем, достаточно выдержанною. Героиню (Марью Ильиничну) было, конечно, труднее изобразить, чем героя (Брянцева). Но автору удалось напомнить читателю об этом типе, представители которого встречаются неред-

⁹ Было: Не приближается

¹⁰ Было: тут

¹¹ Было: поставлена

¹² Было: поражает ценным материалом.

¹³ Было: сконструированного

¹⁴ Было: а) приживалки б) [1 нрзб]

ко, — типы кротких, безобидных, пассивно-добрых существ, довольствующихся малым, покорно и благодушно тянущих ляжку трудовой и горькой жизни и умудряющихся ужиться с людьми, которые, казалось бы, должны внушать им непреодолимое отвращение. Марья Ильинична была экономкою в имении, которое купил Брянцев, и перешла к нему, как вещь, вместе с этим имением, а потом сделалась его любовницей. Это сожитие представляется чудовищно отвратительным, психологически¹⁵ противуестественным, но мы знаем, что это бывает сплошь и рядом. Марья Ильинична идеализирована, но мы не представили бы автору упрека в преднамеренности и тенденциозности, если бы Марья Ильинична не была — в последних главах — возведена на такой пьедестал: она здесь является носительницей какой-то высшей — народной и, в то же время, христианской — нравственной правды. Когда Брянцев под влиянием старости и болезни, так сказать, размяк душой, тогда он впервые почувствовал цену доброты и бескорыстной преданности старой¹⁶ экономки — и невольно подчинился ее облагораживающему воздействию. Он сам не заметил, как вдруг пришла ему в голову великодушная мысль построить церковь; он сам не заметил, как он перестал быть скрягой, как деньги потеряли власть над ним, и как легко стало ему отдать все свое богатство народу. Он сам не заметил этого, но мы-то, читатели, хорошо заметили, что автор к этому-то и вел; заметили мы, как он старается убедить нас в психологической возможности такого «обращения». Этой возможности мы не отвергаем (чего не бывает на свете!), но автор не убедил нас в психологической закономерности столь полного и резкого изменения¹⁷ всей личности¹⁸ Брянцева, как равно и в том, что это перерождение свершилось естественно, само собою, без особого пощупания и прямого содействия со стороны автора.

Еще больше «беллетристической» намеренности и искусственности в повести «Тайна», где рассказана история падения и преступления (убийства незаконного ребенка) одной деревенской девушки, которая, сознав свой грех, всю¹⁹ остальную жизнь посвящает обету искупительной любви: радеть о бедных детях, кормить их, присматривать за ними, воспитывать их. Повесть написана в форме признаний героини, уже старухи. Тон ее речей в общем можно признать выдержанным. Но читатель следит за эпическим рассказом старухи без захватывающего интереса, с досадным чувством нетерпения,²⁰ которое²¹ вызывается длиннотами и лишними подробностями.

Рассказ или очерк «Верь...» иллюстрирует мысль, что людям нужно верить, т. е. в отношениях с ними, в суждениях о них руководиться уверенностью, что, как бы человек ни был черств, зол, испорчен и т. д., в его душе есть искра Божья, есть голос совести, — и раньше или позже доброе начало, заложенное в человеческой душе, так или иначе скажется. Эту идею автор «проводит» устами старика Евсея Селивестровича, сельского дьячка, который пользуется в селе общим уважением; он является выразителем общественной совести и, по словам купца Капитона Степановича, знает «заговоренное слово», т. е. умеет ободрить, утишить, образумить, наставить на путь истины.²² Но старик страдает запоем, и когда запиивает, то сразу превращается из исповедника душ в шута, над которым все издеваются. Фигуры дьячка и купца, выступающие в очерке на первый план, равно как и другие лица, о которых упоминается (богатая старуха Матрена, окончившая самоубийством, после того как заморила непосильной работой свою служанку

¹⁵ Было: категорически

¹⁶ Было: казалось, такой

¹⁷ Было: резкой перемены

¹⁸ Было: натуры

¹⁹ Было: потом

²⁰ Было: чувством и нетерпением

²¹ Было: вызывающими

²² Было: ближнего, [(2 нрзб)].

Дашу), не производят цельного впечатления. Все это лишь силуэты, наблюдения для иллюстрации основной мысли. При небольшом объеме, рассказ читается легко, — но глубокого следа не оставляет, на что, однако, автор, по-видимому, рассчитывал...

«Анчар», самое большое по объему из известных мне произведений г-жи Волкович-Вель, нельзя признать самым удачным. Здесь художник-психолог еще больше, чем в других вещах, заслонен искусным беллетристом, пишущим на данную²³ тему и заранее знающим решение задачи. Рассказ ведется в форме писем гимназиста к другу детства, вместе с которым он воспитывался в провинциальном городке, у тетки, вдали от семьи. Теперь родители взяли его к себе, в Петербург. Юноша, восторженно любящий свою мать, которую он едва помнил, чувствует себя в семье и в столице — чужим и одиноким. Мать, светская львица и красавица, довольно равнодушна к сыну. Отец, подозревающий, что это — не его сын, относится к нему с едва скрываемой враждебностью. Мальчика определили в частное привилегированное учебное заведение, где все ему не по душе. Он скучает по уютной и простой жизни в глуши, по доброй и умной тетушке, по товарищу — другу детства. Смущают его нравы, какие он наблюдает в столице, в школе и в своей семье. Его шокируют нескромные разговоры, цинизм, прикрытый светским лоском, развращенность прислуги, даже картинки в витринах магазинов, изображающие голых женщин. Его возмущает пошлость окружающей жизни. Чистый, нетронутый мальчик, он боится и соблазнов, и пошлости, как бы предвидя, что раньше или позже они его затянут в омут. Так это и вышло. Молодой человек опустился, загрязнился, даже «пал». Эпизод с молодой судомойкой, которую, конечно, выгоняют вон, когда она забеременела, глубоко потрясает юношу. Он считает себя грешником и преступником, мучится и — описывает всю историю с тем мелодраматизмом, который я не решаюсь поставить в упрек автору, памятуя, что это пишет гимназист и что это — «натуральный» мелодраматизм жизни. — Итак, юноша втянулся в омут. Но укоры совести не умолкают в его душе, и он не перестает ощущать что-то вроде ностальгии: его тянет в глушь, в родной город, к доброй, умной тетушке, к простой, здоровой, чистой жизни; привлекают его также и те люди, которые трудятся, живут бедно, но честно, разумно; одну такую семью он случайно встретил и восторженно отзывался о ней в своих письмах. Завидует он и своему другу, теперь уже студенту Московского университета; товарищ его детства живет полною, здоровою жизнью, работает, учится; будущее перед ним открыто... Все это изображено в письмах юноши довольно удачно, молодой человек умело и правдоподобно раскрывает свой внутренний мир и в общем весьма удовлетворительно развивает тенденцию, положенную автором в основание повести. Но, думается, было бы лучше, если бы иной раз он забыл об этой тенденции и что-нибудь перепутал в заученной роли. К сожалению, юноша хорошо вызубрил роль и нигде не «подводит» автора... Все идет гладко, идея развивается последовательно, одна иллюстрация сменяется другой (тут и развратный, наглый лакей, и добрая по натуре, но совершенно²⁴ испорченная, дошедшая до откровенного цинизма светская барышня), — и автор благополучно приходит к моральному итогу, заранее готовому. Юноша, не выдержав противоречий и внутренней борьбы, заболевает. Во время болезни отец, по-видимому, убедившись в том, что это — его сын, раскаивается в своей холодности к нему. В душе отца²⁵ неожиданно пробуждается пламенная любовь к сыну, и он ухаживает за больным с самоотвержением сестры милосердия. Юноша, в свою очередь, обнаруживает горячую сыновнюю любовь и — умирает, прирванный с отцом, между тем как мать остается где-то за границей, на модном курорте...

²³ Было: заданную

²⁴ Было: совсем

²⁵ Было: злого

Повесть растянута, но читается легко, и эта легкость чтения оставляет²⁶ в читателе странное впечатление какого-то досадного контраста с серьезностью замысла: вышло чисто литературное решение задачи, не дающее читателю повода остановиться и задуматься, — все предусмотрено и решено автором. Лишь там и сям попадаются отдельные художественные штрихи, вызывающие читателя на самостоятельное раздумье, но они как-то зачеркиваются и пропадают...

Мне остается упомянуть о фельетоне «Но то был сон...», о «фантазии» «Красная горка» и об очерке из путешествия «Из Белостока в Осовец и Щучин».

Фельетон (из «Нового Времени») представляет собой публицистическую статью в беллетристической форме — на тему об ужасающем истреблении — в деревнях — внебрачных²⁷ детей. Тут же — в виде сна — предложено и мероприятие: устройство колоний для брошенных детей, откуда они выходят здоровыми работниками с обязательством 3 года «послужить земле». Автор так и называет их «землеобязанными». — Но в этом маленьком очерке есть нечто художественно ценное, напоминающее то, что мы открыли в первом рассказе («Бога ищут»). Это — живое воспроизведение своеобразных черт простонародной этики. Служанка Саша, которая морит своих внебрачных детей голодом и совершенно не сознает и не чувствует преступности и ужаса содеянного ею, оставаясь при этом доброю и честной женщиной,²⁸ изображена просто и правдиво. Здесь, как и в рассказе «Бога ищут», автору удалось достигнуть того «сгущения мысли в образе», которое есть верный признак настоящего художественного дарования.

«Фантазия» «Красная горка» и очерк «Из Белостока в Осовец и Щучин» не могут быть отнесены к художественным произведениям в собственном смысле.

Общее мое заключение о таланте г-жи Волкович-Вель сводится к следующему: у нее есть несомненная художественная одаренность, но более яркому обнаружению этой одаренности мешает соблазн более легкого, беллетристического, чисто литературного решения моральных задач; этим²⁹ задачам нельзя отказать в серьезности и значительности, и автор умело их ставит.

Я ходатайствовал бы о поощрении автора половинною премией, если бы не препятствовал п(ункт) б § 9-го Положения о пушкинских премиях, гласящий, что награждению подлежат «такие произведения изящной словесности..., которые, при довольно значительном объеме, отличаются *высшим* художественным достоинством». Оставляя в стороне спорный вопрос, считать ли объем предоставленных произведений г-жи Волкович «довольно значительным», укажу на то, что художественное достоинство их, конечно,³⁰ не может быть признано *высшим*. Г-жа Волкович-Вель — не первостепенное художественное дарование.

* * *

Перехожу к произведениям г-на Ремизова.

Книга «Посолонь», посвященная Вячеславу Иванову, содержит утомительный ряд пересказов народных сказочных сюжетов. Пересказы эти отличаются от оригиналов отсутствием простоты и наивности. Все в них манерно, вычурно; иные изложены так, что ничего нельзя понять; другие — так, что понять можно, но, прочитав, задаешь себе недоуменные вопросы: зачем все это? Кому это нужно? Кому это может быть интересно? О художественности и поэтичности тут не может быть речи. Тут одна лишь так называемая «стилизация», в результате которой получается неприятная³¹ смесь простонародности с модернизмом.

²⁶ Было: вызывает

²⁷ Было: незаконных

²⁸ Было: девушкой

²⁹ Было: которым

³⁰ Было: блестящим

³¹ Было: почти марзаматическая

Другая книжка г. Ремизова «Лимонарь сиречь Луг Духовный» представляет собой опыт подобной же «стилизации» старинных мистерий («вертеп») и³² сказаний апокрифического характера. Изложены эти темы манерно и запутано.

В пересказах г. Ремизова нет и следа художественной переработки данных сюжетов (их народной поэзии и русской)³³ старинной словесности), — и эти произведения являются бесплодным и бесцветным упражнением в литературном сочинительстве. Оно не заслуживало бы³⁴ поощрения даже в том случае, если бы в своем роде оно было удачным и доставляло³⁵ читателю маленькое развлечение, чего нельзя сказать о пересказах г. Ремизова.

Поч(етный) акад(емик) Д. Овсяннико-Куликовский³⁶

Как видим, из десяти рукописных страниц отзыва восемь с половиной посвящены детальному рассмотрению представленных на конкурс произведений малоизвестной тогда, а ныне совершенно забытой писательницы Волкович-Вель. Она начала свой литературный путь после 1889 года, когда осталась малообеспеченной вдовой судебного следователя П. П. Величковского. Беллетристика печаталась в журналах «Нива», «Слово», «Женское дело», «Женский вестник», «Театр и искусство», в газете «Биржевые ведомости» и др.³⁷ В своей рецензии Овсяннико-Куликовский подробно пересказал сюжеты ее творений. Они были созданы в традициях народнической литературы с ее устойчивым интересом к показу крестьянской среды и «незаметных тружеников» с добрыми сердцами, а также с тенденцией к негативному отображению пороков города и обличению власть имущих. Тематика представленных на премию рассказов и повестей писательницы перекликается с прозой Н. Н. Златоврацкого (кстати, в 1909 году избранного почетным академиком), являясь перепевом мотивов произведений А. К. Шеллера (А. Михайлова), И. С. Тургенева и пьесы «Власть тьмы» Л. Н. Толстого.

В начале XX века морализаторство, свойственное прозе Величковой, было уже замшелым литературным шаблоном. Однако ее произведения, предназначенные для чтения средних слоев интеллигенции, явились прекрасным материалом для применения в отзыве метода психологической школы, adeptом которой был Овсяннико-Куликовский. Наибольшее внимание рецензент уделил рассмотрению характеров и поведенческой мотивации героев Волкович-Вель.

Подобный акцент можно объяснить, вспомнив о комплексной реформе судостроительства и судопроизводства 1866—1899 годов. Она сделала судебный процесс открытым, устным, с состязанием сторон; тогда же был введен институт присяжных; в уголовный процесс было включено судебное следствие, проверяющее результаты предварительного, и т. д. Неоднократно отмечалось влияние на литературу второй половины XIX века стилистики судебного красноречия, указывалось на интерес писателей к сюжетам, почерпнутым из уголовных и политических процессов. Но эти новые явления российской жизни оказали не меньшее воздействие на критику и литературоведение. Не случайно известный юрист, автор труда «Нравственные начала в уголовном процессе» (1902), почетный академик по разряду изящной словесности А. Ф. Кони также входил в число рецензентов произведений, претендующих на премию имени А. С. Пушкина. Для Овсяннико-Куликовского предложенные на конкурс прозаические произведения являлись как бы зафиксированными в письменном виде судебными прецедентами.

³² Было: и иных

³³ Было: красоты русской

³⁴ Было: не заслуживает премии

³⁵ Было: ком(у-то)

³⁶ См. прим. 7.

³⁷ См.: *Величковская А. Н. Автобиография. <1928> // ИРЛИ. Ф. 449. № 33. Л. 1.*

Выбор именно такого подхода к анализу литературного текста наглядно демонстрирует разбор рассказа Волкович-Вель «Бога ищут». Это произведение было основано на криминальном сюжете убийства крестьянкой своего мужа. Идя вслед за автором, уже выполнившим роль дознавателя (кстати, вспомним, что писательница была вдовой следователя), литературовед осуществил свое, дальнейшее, как бы судебное разбирательство «результатов расследования», поочередно беря на себя роль то адвоката, то прокурора и судя «подозреваемых» согласно универсальным нравственным законам. По стилистике и пафосу текст отзыва воспроизводил риторику судебного красноречия.

Овсянко-Куликовский тщательно проанализировал произведение, обнаружив его основной проблемно-тематический лейтмотив. В рассказе «Бога ищут» рецензент увидел выполненное автором художественное расследование классической нравственной проблемы русской интеллигенции — проблемы совести. Примечательно, что Овсянко-Куликовский действительно выявил одну из основных этических доминант творчества Волкович-Вель, о которой она сама писала в поздней «Автобиографии», созданной в условиях Советской России: «Перо мое было вообще обличительное, но популярности моего имени много мешала мистическая сторона, заложенная почти в каждом произведении (...) Все же и теперь скажу, что раз желают упразднить понятие о Боге, то Его следует заменить словом „Совесь”». Это одно, что может спасти детей от ужасного разврата мысли и поступков».³⁸

Подробно рассмотрев все представленные на конкурс произведения Волкович-Вель, рецензент лишь иногда, попутно, отмечал такую «второстепенную» характеристику ее творчества, как его собственно художественные качества. В суждении о содержании представленных текстов превалировал нравственный критерий, а эстетическая оценка их художественной формы отходила на второй план. При этом наличие творческого вымысла представало в интерпретации Овсянко-Куликовского как недостаток произведения, утрачивающего таким образом свою идентификацию с реальностью первой степени. Лишь в конце отзыва рецензент остановился на указанной в «Положении о премии» необходимости соответствия предлагаемых произведений «высшему художественному критерию» и признал неадекватность текстов писательницы этому показателю.

Таким образом, в проведенном Овсянко-Куликовским разборе повестей и рассказов Волкович-Вель были четко манифестированы параметры его оценки современной прозы. Последняя должна была напрямую имитировать действительность (т. е. быть реалистичной); образы героев должны были представлять собой психологически убедительные типы характеров; автор должен был ставить перед читателем нравственные вопросы и, желательно, давать на них ответы с точки зрения вечных моральных ценностей. Подобное доминирование собственно содержательного аспекта над критерием эстетическим было в целом характерной тенденцией рецензентов Пушкинской премии применительно к прозе.³⁹ Так, в кратком изложении отзыва К. К. Арсеньева на прозу претендента на премию того же года А. И. Куприна отмечалось, что он «бесспорно, один из самых выдающихся наших молодых беллетристов. Свободный — по крайней мере, в тех своих произведениях, которые в настоящее время подлежат разбору, — от крайностей, в которые впадают многие из его сверстников, он остается верен лучшим традициям нашей литературы. Не переступая за грань здорового реализма, (...) он бережет, согласно заветам Тургенева, русский язык и пишет с изящной простотой, исключаящей деланность содержания и вымученность, манерность формы».⁴⁰

³⁸ Там же. Л. 3—3 об.

³⁹ В отношении оценки предлагаемых на премию поэтических произведений превалирующим было значение чисто эстетического критерия.

⁴⁰ Протокол заседания Комиссии по присуждению премии имени А. С. Пушкина 28 февраля 1909 г. Печ. оттиск // СПФ АРАН. Ф. 9. Оп. 3. № 19. Л. 193.

На фоне разделяемой Овсяннико-Куликовским общей установки членов ареопага Пушкинской премии на необходимость для прозаических произведений следовать традициям литературы XIX века, в частности, применительно к прозе, — заветам «здорового реализма», его негативная оценка «Посолони» и «Лимонаря» Ремизова представляется проявлением предсказуемой закономерности. Овсяннико-Куликовский не утрудил себя каким-то изложением текстов Ремизова. Он кратко характеризовал произведения молодого писателя как «маразматическую смесь простонародности с модернизмом», заменив затем в окончательном тексте рецензии определение «маразматическая» на более нейтральное «неприятная». Таким образом, в его отзыве о сборниках писателя-модерниста обнаружились как общий критерий оценки прозы, доминирующий в установках Комитета по пушкинской премии, так и фактическая недоступность произведений нового искусства для литературоведческого анализа в рамках избранной им методологии.

В итоге премия имени А. С. Пушкина 1909 года была присуждена в половинном размере Куприну (за три тома повестей и рассказов) и И. А. Бунину (за переводы Байрона и том стихотворений). Примечательно, что рецензентом последнего после смерти изначально назначенного П. И. Вейнберга стал сам президент Академии наук. К. К. Романов высоко оценил труды претендента, что само по себе уже предопределяло результат голосования. Волкович-Вель удостоилась почетного отзыва, о чем получила официальное письмо от Академии наук:

«19 октября 1909 г.
№ 131

Милостивая государыня Анна Николаевна!

Имею честь уведомить Вас, что представленные Вами на XVIII-ое соискание премии имени А. С. Пушкина сочинения Ваши: „Верь“, „Но то был сон“, „Деньги-свет“, „Из Белостока в Осовец и Щучин“, „Тайна“, „Бога ищут“, „Красная горка“ и „Анчар“ (1905—6 г.) по рассмотрению их особо образованною при разряде изящной словесности Комиссии по присуждению премий имени А. С. Пушкина, — удостоены И(мператорской) Академией Наук печатного отзыва имени поэта.

Председательствующий А. Шахматов»⁴¹

В том же году Д. Н. Овсяннико-Куликовский вместе с рядом других лиц был награжден золотой медалью имени А. С. Пушкина в ознаменование признательности за его труды по критическому разбору произведений, предлагаемых на соискание премии. Отметим, что в 1908-м году П. С. Соловьева получила почетный отзыв за сборник стихотворений «Иней» и была также награждена Пушкинской золотой медалью.

Сохранилось несколько свидетельств самого Ремизова о его попытке получить академическую награду. Так, в датированной 1923 годом дарственной надписи С. П. Ремизовой-Довгелло на первом издании «Лимонаря» (1907) писатель отметил: «Однажды по наущению Юр. Верховского поехал в Акад(емию) Наук на пушкинскую премию — забраковали».⁴² Спустя много лет, в 50-е годы, в книге «Петербургский буерак» писатель вспомнил о давнем событии своей биографии уже более пространно: «„Посолонь“ и „Лимонарь“ обратили на себя внимание академика Алексея Александровича Шахматова. По его совету я послал книги в Академию Наук на „соискание“ академической награды. Ближайшие к Шахматову были убеждены в успехе. Но президент Академии Наук в. к. Константин Константинович, автор „Царь Иудейский“, мое ходатайство отклонил, поставя свою резолюцию на „Посолонь“ и „Лимонарь“ — „не по-русски де написано“. Трудно было пове-

⁴¹ ИРЛИ. Ф. 449. № 33. Л. 11.

⁴² Волшебный мир Алексея Ремизова. Каталог выставки. СПб., 1992. С. 16.

речь. С ведома Шахматова я послал повторные экземпляры. Пушкинскую серебряную медаль присудили Поликсене Сергеевне Соловьевой (Allegro) за книгу стихов». ⁴³

Можно предположить, что дарственная надпись зафиксировала реальную информацию о человеке, двигателе Ремизова представить свои книги на соискание Пушкинской премии. Ю. Н. Верховский был учеником академика А. Н. Веселовского, выпускником романо-германского отделения Петербургского университета, оставленным после окончания при университете для подготовки к профессорскому званию. После смерти учителя (1906) он стал заниматься русской литературой пушкинской эпохи. ⁴⁴ Одновременно с академическими занятиями Верховский писал стихи, статьи, входил в круг писателей-символистов. Таким образом, он был пограничной фигурой между мирами академической науки и нового искусства, человеком, чей глаз не был зашорен ориентацией на верность «заветам» XIX века. Он вполне мог предложить Ремизову поучаствовать в академическом конкурсе, не учитывая общую консервативную эстетическую ориентацию тех, кто входил в Комитет по премии.

Вариант же истории, изложенный Ремизовым в книге «Петербургский буерак», демонстрирует пример трансформации давнего реального события в художественно-мемуарном тексте. Для писателя, в связи с развиваемой им с начала 30-х годов «теорией русского лада», была крайне значима фигура как бы сакрального «праотца» его концепции, с которым он был лично знаком. В книгах Ремизова («Подстриженными глазами», «Петербургский буерак») эту функцию выполнял образ академика А. А. Шахматова — автора новаторского «Синтаксиса русского языка» (опубл.: т. 1 — 1925, т. 2 — 1927). ⁴⁵ В 1912 году писатель действительно подарил академику два тома своего собрания сочинений (Т. 6. Сказки. СПб., 1911; Т. 7. Отреченные повести. СПб., 1912), содержащих, в частности, вторые издания произведений, представленных на соискание Пушкинской премии 1909 года. Об этом факте свидетельствует сохранившееся ответное письмо Шахматова:

«29 февр(аля) 1912

Спешу принести Вам искреннюю благодарность за присылку VI и VII том(ов) Ваших сочинений. Прошу Вас принять уверение в совершенном уважении и преданности.

А. Шахматов» ⁴⁶

В делах Пушкинской премии не имеется каких-либо свидетельств о подаче Ремизовым повторной заявки на участие в конкурсах XIX-го (1911) и XX-го (1913) присуждений академической награды. Упоминание же им П. С. Соловьевой возвращает историю к 1908 году, когда та действительно получила золотую пушкинскую медаль. Последняя была вручена поэтессе в 1909 году. Примечательно и то, что литератор, скорее всего, намеренно «забыл» подлинных лауреатов XVIII-го вручения премии — своих реальных конкурентов — Куприна и Бунина. Запомывание имени последнего — вечного критика и эстетического оппонента Ремизова — делает подобную «забывчивость» сознательным художественным жестом. О том, что писатель помнил реальную канву былого инцидента, говорит и замещение имени настоящего ремизовского рецензента именем К. К. Романова, под-

⁴³ Ремизов А. М. Петербургский буерак // Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. М., 2003. Т. 10. Петербургский буерак. С. 178—179.

⁴⁴ Гельперин Ю. М. Ю. Н. Верховский // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1989. С. 431—432.

⁴⁵ См.: Долин Ю. Т. Слово о «Синтаксисе русского языка» академика А. А. Шахматова // Вестник ОГУ. 2004. № 11. С. 118—121.

⁴⁶ РНБ. Ф. 614. Оп. 1. № 239. Л. 1.

державшего своим отзывом заявку Бунина. В «Петербургском буераке» писатель обыграл факт своего давнего неудачного «окациона» с академической премией для утверждения правоты избранного им литературного пути — дороги следования «русскому ладу», освятив его давней поддержкой почитаемой им Академией наук, персонифицированной в образе академика Шахматова.